

Дом актера. — 1995. — ноябрь. — с. 1, 6-7.

(Начало на первой странице.)

Перед началом гастролей в театре на Таганке состоялась прессконференция, стенограмма которой публикуется в сокращенном варианте.

Корр. Лев Абрамович, Вы открыли гастролы в Москве диалог "Братья и сестры" по Федору Абрамову, которая стала "физитной карточкой" Малого Драматического. Изменился ли спектакль за десять лет, прошедшие со дня премьеры?

Л.Д. Формально не изменился ни мизансцена, ни текст. И актерский состав почти полностью тот же: мы пока еще существуем вместе, и это важно. Но несмотря на нашу "компанияность", компания наша состоит из индивидуальностей. Мы редко пользуемся вторым составом — роль сравнивается с человеком, и он становится как бы ее продолжением.

А вот по сути "Братья и сестры" изменился очень, потому что катастрофически каждый день и час, меняется время. Когда спектакль живет, он обязательно пропускает через себя то, что с нами происходит. Мне кажется, что сейчас наша диалог стала серьезнее, глубже, страшнее. Тогда мы ставили про ту современность, хотя речь шла о времени "историческом". Был момент, когда спектакль вроде бы потерял актуальность, стал восприниматься страницей прошлого. А сегодня вдруг возникло ощущение, что играем очень возможный вариант нашего будущего. Скажем так, и то, что "Братья и сестры" смотрит уже третье поколение зрителей. Произошла смена аудитории — за последние два года к театру потянулись молодежь. Видишь, насколько им все это интересно, важно, и понимаем, молодое поколение выбирает не только песни.

Корр. Не тормозит ли выпуск новых спектаклей Вашу частые зарубежные гастроли?

Л.Д. Наоборот, скажутся на жизни театра крайне благоприятно. Гастроли — это всегда перетряска, освежение за-

лежавшегося, серьезная и обстоятельная работа над репертуаром. Каждый раз встреча с новой публикой, городом, страной заставляет и себя увидеть заново. Дома на наши спектакли приходят те, кто о них уже знает по рассказам друзей, знакомых, мамы с папой. А главная опасность, которая грозит любому театру — привычка к наезженной колее.

Слухи о том, что мы бываем за границей больше, чем в России, как и любые слухи, сильно преувеличены. Не меньше, чем полезно театр старается провести в Петербурге. Выбает, чтобы выпустить спектакль, на какое-то время необходимо не показывать текущий репертуар: театр наш маленький, так что жизнь наша сложна.

Во время зарубежных гастролей завязываются основные контакты: те, кто приходит на наши спектакли, хо-

ЛЕВ В МОСКВЕ

тит, чтобы мы приехали еще раз. Так случилось с двумя парижскими театрами — Бобиньи и Одеон, на сценах которых мы играли четыре года подряд. Сначала в течение месяца мы показали "Гаудемус" по повести Сергея Каледина "Стройбат", а на следующий год в рамках русского сезона в Париже шли и "Клаустрофобия", и "Братья и сестры", и "Вишневый сад". Это была мощная акция, о которой в России, к сожалению, мало кто слышал. Наверное, только у нас умеют так ставить всех "на место", скидывать все и вся с "корабля" прошлого и будущего.

Премьеру "Бесов" мы сыграли в Германии. И если бы не материальная поддержка "оттуда", не жесткие контрактные сроки, в которые нас поставили, репетировали бы этот спектакль еще годы. Но даже если премьеры происходят "там", все равно рождается все дома, потому что ниша для театра — наша жизнь.

Корр. Какой из своих замыслов Вы реализуете сейчас?

Л.Д. С внешними модами артистами (выпускниками моего актерско-режиссерского курса Петербургской театральной Академии) еще во время учебы мы много занимались Чеховым — его прозой, драматургией. Так мы вышли на произведение, которое я давно мечтал поставить и даже несколько раз пытался это сделать. Речь о "Пьесе без названия". Это первое драматическое произведение Чехова — некоторые его считают громоздкой ученической работой. Мне же оно кажется блистательным созданием. Я вообще люблю первые произведения классиков. Например, когда я ставил "Свой люди соотечем", то был потрясен этим ступком таланта, заключавшим в себе всего будущего Островского. Вот и в "Платонове" — ступок будничного Чехова, а еще — та жесткость, прозвительность, коих он уже не позволял себе потом. Надеюсь, что из наших проб получится спектакль. Но решение уже придумано такое, что для него придется ломать существующую сцену.

Корр. В последние годы в Вашу театральную семью стал вхож Евгений Лебедев. Он участвует в двух спектаклях. Как отыскался швейцарский актер в Вашу компанию?

Л.Д. Дел нас театр, действительно, — семья, дом. Во всяком случае, так хочется думать. Союз с Евгением Алексеевичем, мне кажется, получился счастливым, не сплести бы.

Началось все с того, что Лебедев как-то пришел на "Гаудемус" и был очень доброжелателен, несмотря на мучительную для нас спорность этой работы. А месяц спустя, мы случайно встретились на улице — наши дома находятся недалеко друг от друга. Стояла белая ночь, мы три часа ходили по набережной. Евгений Алексеевич говорил, я слушал, понимая, что на такой отрывочный разговор найдется сейчас не так уж много охотников, к сожалению. Это был замечательный рассказ о ролях, которые Лебедев играл или хотел сыграть, о которых он думал. Схватывались мы только где-то в третьем часу ночи, когда Наталя Александровна (жена Е. Лебедева) выпела его искать. Раньше мы были мало знакомы, а тут я почувствовал, что просто обязан дать этому замечательному артисту возможность высказаться еще. И очень захотелось, чтобы с ним вместе выступили наши актеры.

Наша первая встреча с Лебедевым состоялась в спектакле "Любовь под вязами", затем он сыграл небольшую роль в постановке французского режиссера, вышедшей на нашей сцене. Потом мы потеряли Олега Борисова. Его смерть стала трагедией и для театра, и для меня лично: мы очень дружили, строили планы совместной работы, договаривались о возобновлении на нашей сцене спектакля "Кроткая" с его участием. Борисов стал репетировать роль Фирса в "Вишневом саде", полтора месяца провел у нас в театре, и это была счастливая пора.

Затем со спектаклем "Клаустрофобия" мы поехали в Париж, и на генеральную репетицию "Вишневый сад" должен был прибыть Борисов. Но не смог — лег в больницу. Я позвонил Лебедеву, попросил срочно выступить в спектакль. Конечно, боялся: Евгений Алексеевич тогда уже играл Фирса в Большом драматическом театре, совсем по-другому, чем предстало у нас. Но он оказался удивительно чутко, полюбил и почувствовал наш спектакль, может быть, даже больше, чем те, кто репетировал с самого начала. Такое соединение с тем, кто чуть старше нас, дает то самое тепло, которого нам всегда не хватает.

Корр. Кого в театре Вы считаете своими последователями?

Л.Д. Я настолько не уверен, что есть чему последовать... Гораздо важнее, что существуют люди, опыт которых самому хотелось бы продолжить, развить. Пока я сам хотел бы быть последователем. Есть Питер Брук, хоть он и перестал быть модным в России. Врук каждый раз потрясает, восхищает, он обладает таким фантастически непредвзятым взглядом на мир, что заставляет почувствовать себя ребенком. Есть Пина Бауш. Есть и другие люди, которых завидуюсь, а от этого и самому хочется что-то делать.

Группу недавних выпускников — молодых актеров нашего театра — мы называем студией, хотя слово "студия" — опасное. Скорее, это — большая стажерская группа. Очень люблю всех, кто в нее входит: это люди с удивительно свежими чувствами, которые серьезно относятся к жизни. Они — одна из надежд нашего театра. Они учились со страстью, с готовностью бросаются в любую сумасшедшую затею. У меня ощущение, что я их приручил и за это ответственен.

Меня часто приглашают вести занятия за рубежом, но соглашаюсь на это достаточно редко. И времени нет, и боюсь кратковременности этих отъездов. Иногда веду мастер-классы: был, например, любопытный опыт в Шотландии. Там на трехнедельный семинар собрались двадцать пять артистов из разных стран мира. Мы привезли пятнадцать актеров нашего театра, группу педагогов — у нас прекрасная педагогическая команда. Попросили "на месте" найти

какую-нибудь деревню, чтобы вырваться из привычной пыли кулис. И специально для нас сняли поместье восемнадцатого века. Там мы жили, как у себя в театре: с утра занятия танцем, вокалом, потом репетиции... И в результате был такой взрыв человеческих эмоций, что, развязавшись, все рвали. Попадать на привычной среде в непривычную в нашей профессии очень важно: пожалуй, нигде рутинна так ее сильна, как в театре. Эта профессия притягивает тех, кто любит болтовню, покурить и мало что делает.

Корр. А продолжение существует постановке в других театрах на соблазнове?

Л.Д. Откладываю их на потом. Свой дом требует тебя всею. К тому же я в какой-то мере забавлюсь общением с компанией, с которой работаю постоянно, поэтому трудно решиться на "случайную сваям". Впрочем, через это я прелестен. Когда не было своего дома, я ставил в других театрах. Это были интересные работы со Смоктуновским, в России. А сейчас естественное, на что я согласился, — это постановка оперы "Электра" на фестивале в Зальцбурге. Привлекло, что предлежало шло от Клео Абадо, замечательного музыканта, которого я очень люблю. К тому же, если я ставлю оперу, то никому не изменяю, а размять мышцы в нашей профессии полезно.

Корр. Существует ли разница в восприятии Ваших спектаклей публикой зарубежной и "родной"?

Л.Д. Практически нет. И это для меня самое интересное и ценное. Здесь меня часто спрашивают: а что "там" понимаем про нашу жизнь? Да все понимаем, потому что смотрит все про себя. Если нам кажется, что "там" всем живет хорошо, то это не так. Каждому было плохо. А для каждого свое плохое — это крайние моменты. Не бывает так, чтобы над одной и той же сценой в одном месте земля плочу, а в другом — будут смеяться: люди схожи.

А вот время реакцию на спектакль может изменить. Та же "Клаустрофобия" сейчас воспринимается валом больше раскрепощенно, чем год назад. Видно, жизнь открывает нам на что-то глаза. Если же говорить пышно, театр — это универсальный язык: люди ведь по несколько часов следят не за словами, которые произносятся со сцены, а за тем, что стоит за ними. Такое общение интернационально. Вот и оказывается, что говорим мы про себя, а потрясает это каждый раз всех. Именно в этом и есть главное подтверждение тому, что наше дело нужно людям. Иначе мы бы не смогли работать с таким азартом.

Зачисла Татьяна Искашова

